

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.

//Художественная литература, Москва, 1959

FB2: "сд ", 30 June 2008, version 1.0

UUID: F57DACE3-5A92-4B70-8B26-2FF491BA7884

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Борис Годунов

Содержание

Кремлевские палаты	0004
Красная площадь	0011
Девичье поле. Новодевичий монастырь	0013
Кремлевские палаты	0017
Ночь. Келья в чудовом монастыре	0020
Палаты патриарха	0032
Царские палаты	0034
Корчма на литовской границе	0038
Москва. Дом Шуйского	0050
Царские палаты	0058
Краков. Дом Вишневецкого	0070
Замок воеводы Мнишка в Самборе	0078
Ночь. Сад. Фонтан	0082
Граница литовская	0096
Царская дума	0099
Равнина близ Новгорода-Северского	0108
Площадь перед собором в Москве	0111
Севск	0115
Лес	0120
Москва. Царские палаты	0124
Ставка	0134
Лобное место	0139
Кремль. Дом борисов. Стража у крыльца	0142
Ранние редакции	0145
Комментарий	0156

**Александр Сергеевич
Пушкин
Борис Годунов**

*Драгоценной для россиян памяти
НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИ-
НА
сей труд, гением его вдохновенный, с
благоговением и благодарностию по-
свящает
Александр Пушкин*

Кремлевские палаты

(1598 Г^{ода, 20 февраля})
Князя Шуйский и Воротынский.

*Наряжены мы вместе город ве-
дать,
Но, кажется, нам не за кем смот-
реть:
Москва пуста; вослед за патриар-
хом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тре-
вога?*

*Чем кончится? Узнать не мудре-
но:
Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согла-
сится;
А там — а там он будет нами
править
По-прежнему.*

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с
сестрою,
Он, кажется, покинул все мир-
ское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увеща-
ньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей
Москвы,
Ни голосу Великого Собора[1].
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее все-
лил;
Что ежели правитель в самом де-
ле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не
взойдет?
Что скажешь ты?

Скажу, что пона-
прасну
Лилася кровь царевича-младенца;

Что если так, Димитрий мог бы
жить.

Ужасное злодейство! Полно, точ-
но ль
Царевича сгубил Борис?

А кто же?

Кто подкупал напрасно Чепчуго-
ва?

Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан
был

Исследовать на месте это дело:

Наехал я на свежие следы;

Весь город был свидетель злодея-
нья;

Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым сло-
вом

Изобличить сокрытого злодея.

Зачем же ты его не уничтожил?

Он, признаюсь, тогда меня сму-
тил

Спокойствием, бесстыдностью
нежданной,

Он мне в глаза смотрел, как буд-
то правый:
Расспрашивал, в подробности вхо-
дил —
И перед ним я повторил неле-
пость,
Которую мне сам он нашептал.

Не чисто, князь.

А что мне было де-
лать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в зато-
ченье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б за-
давили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит.
Я сам не трус, но также не глу-
пец
И в петлю лезть не соглашуся да-
ром.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять
Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Да, кажется.

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.
Природные, и Рюриковой крови.

*А слушай, князь, ведь мы б имели
право
Наследовать Феодору.*

*Да, боле,
Чем Годунов.*

Ведь в самом деле!

*Что
ж?
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно,
пусть
Себе в цари любого изберут.*

*Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древнюю
отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками слу-*

*жим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.*

*(глядит в окно)
Он смел, вот все — а мы.... Но
полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад
—
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.*

Красная площадь

Н^{арод.}

*Неумолим! Он от себя про-
гнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.*

*О боже мой, кто будет нами пра-
вить?
О горе нам!*

*Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решение Ду-
мы.*

*Молчать! молчать! дьяк думный
говорит;
Ш-ш — слушайте!*

*(с Красного крыльца)
Собором положи-
ли
В последний раз отведают силу
просьбы
Над скорбною правителя душой.*

Заутра вновь святейший патри-
арх,
В Кремле отпев торжественно
молебен,
Предшествуем хоругвями святы-
ми,
С иконами Владимирской, Дон-
ской,
Воздвижется; а с ним синклит,
бояре,
Да сонм дворян, да выборные лю-
ди
И весь народ московский право-
славный,
Мы все пойдем молить царицу
вновь,
Да сжалится над сирюю Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь — да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

Девичье поле. Новодевичий монастырь

Народ.

*Теперь они пошли к царице в
келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.*

Что слышно?

*Все еще
Упрямится; однако есть надеж-
да.*

*(с ребенком)
Агу! не плачь, не плачь; вот бука,
бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!*

*Нельзя ли нам пробраться за
ограду?*

*Нельзя. Куды! и в поле даже тес-
но,
Не только там. Легко ли? Вся
Москва*

Сперлася здесь; смотри: ограда,
кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Право, любо!

Что там за шум?

Послушай! что за
шум?
Народ завыл, там падают, что
волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну,
брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

(на коленях. Вой и плач)
Ах, смилуйся, отец наш! властвуй
нами!
Будь наш отец, наш царь!

(тихо)

О чем там
плачут?

А как нам знать? то ведают бо-

*яре,
Не нам чета.*

(с ребенком)

*Ну, что ж? как надо
плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бу-
ка!*

*Плачь, баловень!
(Бросает его об землю. Ребенок пи-
щит.)*

Ну, то-то же.

*Все пла-
чут,
Заплачем, брат, и мы.*

*Я силюсь, брат,
Да не могу.*

*Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.*

*Нет, я слюней пома-
жу.
Что там еще?*

Да кто их разберет?

*Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует
Борис!*

Кремлевские палаты

Борис, патриарх, бояре.

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,

Не избранный еще народной волей.

*Не изменим присяге, нами дан-
ной.*

*Теперь пойдём, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там — сзывать весь наш народ
на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости до-
рогие.
(Уходит, за ним и бояре.)*

*(останавливая Шуйского)
Ты угадал.*

А что?

*Да здесь, намедни,
Ты помнишь?*

Нет, не помню ничего.

*Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...*

Теперь не время пом-
нить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притвор-
ным
Тогда желал тебя лишь испы-
тать,
Верней узнать твой тайный об-
раз мыслей;
Но вот — народ приветствует
царя —
Отсутствие мое заметить мо-
гут —
Иду за ним.

Лукавый царедворец!

Ночь. Келья в чудовом монастыре

(1603 Г^{ода}) Отец Пимен, Григорий
спящий.

(пишет перед лампадой)
Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бо-
га
Мне, грешному. Недаром многих
лет
Свидетелем господь меня поста-
вил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюби-
вый
Найдет мой труд усердный, безы-
мянный,
Засветит он, как я, свою лампаду
—
И, пыль веков от хартий отрях-
нув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православ-
ных

Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною

—
Давно ль оно неслось, событий
полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохра-
нила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догора-
ет —
Еще одно, последнее сказанье.
(Пишет.)

(пробуждается)
Все тот же сон! возможно ль? в
третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лам-
падой
Старик сидит да пишет — и дре-
мотой,

Знать, во всю ночь он не смыкал
очей.

Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погру-
женный,

Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пи-
шет?

О темном ли владычестве та-
тар?

О казнях ли свирепых Иоанна?

О бурном ли новгородском вече?

О славе ли отечества? напрасно.

Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых
дум;

Все тот же вид смиренный, вели-
чавый.

Так точно дьяк, в приказах посе-
дель,

Спокойно зрит на правых и винов-
ных,

Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Проснулся, брат.

Благослови меня,

Честный отец.

Благослови господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница кру-
тая

Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что мура-
вейник;

Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно стано-
вилось —

И, падая стремглав, я пробуждал-
ся...

И три раза мне снился тот же
сон.

Не чудно ли?

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доньине — если я,
Невольною дремотой обессилен,

Не сотворю молитвы долгой к но-
чи —
Мой старый сон не тих, и не без-
грешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки бое-
вые,
Безумные потехи юных лет!

Как весело провел свою ты мла-
дость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском от-
ражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный
инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапе-
зой?
Успел бы я, как ты, на старость
лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Не сетуй, брат, что рано греш-

ный свет

Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты
мне:

Нас издали пленяет слава, роскошь

И женская лукавая любовь.

Я долго жил и многим наслаждался;

Но с той поры лишь ведаю блаженство,

Как в монастырь господь меня привел.

Подумай, сын, ты о царях великих.

Кто выше их? Единый бог. Кто смеет

Противу их? Никто. А что же? Часто

Златый венец тяжел им становился:

Они его меняли на клобук.

Царь Иоанн искал успокоенья

В подобии монашеских трудов.

Его дворец, любимцев гордых полный,

Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяни-

цах
Послушными являлись чернеца-
ми,
А грозный царь игуменом смирен-
ным.
Я видел здесь — вот в этой самой
келье
(В ней жил тогда Кирилл много-
страдальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтож-
ность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и каз-
ней.
Задумчив, тих сидел меж нами
Грозный,
Мы перед ним недвижимо стоя-
ли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день при-
дет,
Предстану здесь алкающий спасе-
нья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Ки-
рилл,
Вы все — обет примите мой ду-

ховный:

Прииду к вам преступник окаянный

И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец,
припади».

Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася.
И плакал он. А мы в слезах моли-

лись,
Да ниспошлет господь любовь и
мир

Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную ке-
лью;

Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмя-
тежной

Утешилась — а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор

И называть великим патриар-
хом.

И все кругом объаты были стра-
хом,

Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуха-
ньем,

И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!

Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Давно, честный отец,
Хотелось мне спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний
Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час

обедни

Вдруг слышу звон, ударили в набат,

Крик, шум. Бегут на двор царицы.

Я

Спешу туда ж — а там уже весь город.

Гляжу: лежит зарезанный царевич;

Царица мать в беспамятстве над ним,

Кормилица в отчаянье рыдает,

А тут народ, остервенясь, волочит

Безбожную предательницу-мамку...

Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,

Является Иуда Битяговский.

«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль,

И вмиг его не стало. Тут народ

Вслед бросился бежавшим трем убийцам;

Укрывшихся злодеев захватили

И привели пред теплый труп младенца,

И чудо — вдруг мертвец затрепе-

тал —

«Покайтесь!» — народ им завопил:

И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Каких был лет царевич убиенный?

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет...
нет, больше:

Двенадцать лет) — он был бы
твой ровесник

И царствовал; но бог судил иное.

Сей повестью плачевной заклю-
чу

Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,

Ты грамотой свой разум просветил,

Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни
будешь:

Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,

Пророчества и знаменья небесны

*А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.
(Уходит.)*

*Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца,*

*А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.*

Палаты патриарха

Патриарх, игумен Чудова монастыря.
Патриарх

И он убежал, отец игумен?

Игумен

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от господа бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об

этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! буду *царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

Царские палаты

Два стольника.

Где государь?

*В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.*

*Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадалы, колдуньи.—
Все ворожит, что красная невеста.*

Желал бы знать, о чем гадает он?

Вот он идет. Угодно ли спросить?

*Как он угрюм!
Уходят.*

(входит)

*Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем*

Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным об-
ладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томим-
ся?..

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмя-
тежной —

Ни власть, ни жизнь меня не весе-
лят;

Предчувствую небесный гром и
горе.

Мне счастья нет. Я думал свой
народ

В довольствии, во славе успоко-
ить,

Щедротами любовь его снискать
—

Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни нена-
вистна,

Они любить умеют только
мертвых.

Безумны мы, когда народный
плеск

Иль ярый вопль тревожит сердце
наше!

Бог насылал на землю нашу глад,

Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы
—

Они ж меня, беснуясь, проклинали!

Пожарный огонь их дома истребил,

Я выстроил им новые жилища.

Они ж меня пожаром упрекали!

Вот черни суд: ищи ж ее любви.

В семье моей я мнил найти отраду,

Я дочь мою мнил осчастливить
браком —

Как буря, смерть уносит жениха...

И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства

Меня, меня, несчастного отца!..

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:

Я ускорил Феодора кончину,

Я отравил свою сестру царицу,

Монахиню смиренную... всё я!

Ах! чувствую: ничто не может нас

Среди мирских печалей успоко-

ить;

Ничто, ничто... едина разве совесть.

Так, здравая, она восторжествует

Над злобою, над темной клеветою. —

Но если в ней единое пятно,

Единое, случайно завелось,

Тогда — беда! как язвой моровой

Душа сгорит, нальется сердце ядом,

Как молотком стучит в ушах упрек,

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

И рад бежать, да некуда... ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Корчма на литовской границе

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев, мирянином; хозяйка.

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

Варлаам

Чем бог пошлет, хозяйюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.
(Уходит.)

Мисаил

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добратся.

Григорий

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва

ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка

(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:

Как во городе было во Казани...

Варлаам

(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля...

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное

чванство; хочешь жить, как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скомо-рох попу не товарищ.

Григорий

Пей да про себя разумеи, отец Варлаам! Ви-дишь: и я порой складно говорить умею.

Варлаам

А что мне про себя разумеи?

Мисаил

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

(Пьет и поет: Молодой чернец постригся.)

Григорий

(хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские да сторожевые приставы.

Григорий

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да осматривать.

Григорий

(про себя)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка

А господь его ведает, вор ли, разбойник —

только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обируют нас бедных.

Слышен шум.

Что там еще? ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

Входят приставы.

Пристав

Здорово, хозяйка!

Хозяйка

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав

(другому)

Ба! да здесь попойка идет: будет чем поживиться. *(Монахам.)* Вы что за люди?

Варлаам

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав

(Григорию)

А ты?

Мисаил

Наш товарищ...

Григорий

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

Мисаил

Так ты раздумал...

Григорий

(тихо)

Молчи.

Пристав

Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Другой пристав

(тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

Первый

Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. — Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Хозяйка

(плачет)

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Поддай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил

Не слышал.

Пристав

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав

(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав

(Мисаилу)

А ты?

Мисаил

Не умудрил господь.

Пристав

Так вот тебе царский указ.

Мисаил

На что мне его?

Пристав

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник — ты.

Мисаил

Я! помилуй! что ты?

Пристав

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в

покое не оставят!

Пристав

Кто здесь грамотный?

Григорий

(выступает вперед)

Я грамотный.

Пристав

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий

У нашего пономаря.

Пристав

(дает ему указ)

Читай же вслух.

Григорий

(читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

Пристав

(Мисаилу)

Как же не ты?

Григорий

«И царь повелел изловить его...»

Пристав

И повесить.

Григорий

Тут не сказано *повесить*.

Пристав

Врешь: не всяко слово в строку пишется.
Читай: изловить и повесить.

Григорий

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... (смотря на Варлаама) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

Все глядят на Варлаама.

Первый пристав

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам

(вырывая бумагу)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит.

(Читает по складам.) «А лет е-му от-ро-ду... 20». — Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

Второй пристав

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав

(Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

Варлаам

(продолжает)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

Приставы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

Москва. Дом Шуйского

Шуйский, множество гостей. Ужин.

Вина еще.

Встает, за ним и все.

*Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву,
мальчик.*

*Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внимли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Поддай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,*

*И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистоюмой
Проистекут источники на нас;
И царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.*

(пьет)

*Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-со-
лью
Не презрели. Простите, добрый
сон.*

Гости уходят, он провожает их до дверей.

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский

(слугам)

Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола да ступайте вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин,

мне
Из Кракова гонца прислал сего-
дня.

Ну.

Странную племянник пишет
новость.

Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Державный

отрок,

По манию Бориса убиенный...

Да это уж не ново.

Погоди:

Димитрий жив.

Вот-на! какая весть!

Царевич жив! ну подлинно чудес-
но.

И только-то?

Послушай до конца.

Кто б ни был он, спасенный ли ца-
ревич,

Иль некий дух во образе его,

Иль смелый плут, бесстыдный са-
мозванец,
Но только там Димитрий по-
явился.

Не может быть.

Его сам Пушкин ви-
дел,
Как приезжал впервой он во дво-
рец
И сквозь ряды литовских панов
прямо
Шел в тайную палату короля.

Кто ж он такой? откуда он?

Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре бо-
лезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав
тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмун-
ду.

Что ж говорят об этом удалъце?

Да слышно, он умен, приветлив,
ловок,
По нраву всем. Московских бегле-
цов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Все это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет
невольно.
Сомненья нет, что это самозва-
нец,
Но, признаюсь, опасность не ма-
ла.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе вели-
кой

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь по-
мянут).
Что пользы в том, что явных
казней нет,

Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,

Что нас не жгут на площади, а
царь

Своим жезлом не подгребают углей?

Уверены ль мы в бедной жизни нашей?

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,

А там — в глуши голодна смерть
иль петля.

Знатнейшие меж нами роды —
где?

Где Сицкие князья, где Шестуновы,

Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.

Дай срок: тебе такая ж будет
участь.

Легко ль, скажи! мы дома, как
Литвой,

Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные
воры.

Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уни-
чтожить.

Не властны мы в поместьях сво-
их.

Не смей согнать ленивца! Рад не
рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! — Не то, в Приказ хо-
лопий.

Ну, слыхано ль хоть при царе Ива-
не

Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев
день,
Так и пойдет потеха.

Прав ты, Пуш-
кин.

Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разум-
ный;
Всегда с тобой беседовать я рад,

*И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.*

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)

Царские палаты

Царевич, чертит географическую карту.
Царевна, мамка царевны.

Ксения

(целует портрет)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Входит Борис.

*Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила*

Виновником быть вашего блаженства.

Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? —

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Чертеж земли московской; наше царство

Из края в край. Вот видишь: тут Москва,

Тут Новгород, тут Астрахань.

Вот море,

Вот пермские дремучие леса,

А вот Сибирь.

А это что такое
Узором здесь виется?

Это Волга.

Как хорошо! вот сладкий плод
ученья!

Как с облаков ты можешь об-
зреть

Все царство вдруг: границы, гра-

ды, реки.

*Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —*

*Когда-нибудь, и скоро, может
быть,*

*Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.*

*Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь по-
стигать.*

Входит Семен Годунов.

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении)

*Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя
господь.*

Ксения с мамкою уходит.

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Нынче

*Ко мне, чем свет, дворецкий
князь-Василья*

И Пушкина слуга пришли с доносом.

Ну.

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом
приехал
Из Кракова гонец — и через час
Без грамоты отослан был обрат-
но.

Гонца схватить.

Уж послано в дого-
ню.

О Шуйском что?

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыко-
ва,
Да Пушкина — да несколько дру-
гих;
А разошлись уж поздно. Только
Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Сейчас послать за Шуйским.

Государь,

Он здесь уже.

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Сношения с Литвою! это что?..

Противен мне род Пушкиных мятежный,

А Шуйскому не должно доверять:

Уклончивый, но смелый и лукавый...

Входит Шуйский.

Мне нужно, князь, с тобою говорить.

Но кажется — ты сам пришел за делом:

И выслушать хочу тебя сперва.

Так, государь: мой долг тебе пове-
дать

Весть важную.

Я слушаю тебя.

(тихо, указывая на Феодора)

Но, государь...

Царевич может
знать,
Что ведает князь Шуйский. Гово-
ри.

Царь, из Литвы пришла нам
весть...

Не та
ли,
Что Пушкину привез вечер гонец.

Все знает он! — Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тай-
ны.

Нет нужды, князь: хочу сообра-
зить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и пань за него.

Что ж говорят? Кто этот само-
званец?

Не ведаю.

Но... чем опасен он?

*Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.*

Димитрия!.. как? этого младенца!

Димитрия!.. Царевич, удались.

Он покраснел: быть буре!..

Государь,

Дозволишь ли...

Нельзя, мой сын, по-
ди.
Феодор уходит.
Димитрия!..

Он ничего не знал.

Послушай, князь: взять меры сей
же час;
Чтоб от Литвы Россия огради-
лась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб за-
яц
Не прибежал из Польши к нам;
чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Иду.

Постой. Не правда ль, эта
весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей закон-

ных,
Назначенных, избранных всена-
родно,
Увенчанных великим патриар-
хом?
Смешно? а? что? что ж не сме-
ешься ты?

Я, государь?..

Послушай, князь Васи-
лий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то
жизни,
Ты послан был на следствие; те-
перь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Клянусь тебе...

Нет, Шуйский, не
клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Он.

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растрезанных народом, и по ним

Уж тление приметно проступа-
ло,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыплен-
ный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не измени-
лись.
Нет, государь, сомненья нет: Ди-
митрий
Во гробе спит.

(спокойно)

Довольно; удались.
Шуйский уходит.
Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в ли-
цо
Мне кинулась — и тяжело опуска-
лась...
Так вот зачем тринадцать лет
мне сряду
Все снилось убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я пони-
маю.
Но кто же он, мой грозный супо-
стат?
Кто на меня? Пустое имя, тень

—
Ужели тень сорвет с меня порфи-
ру,
Иль звук лишит детей моих на-
следства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй — и нет его.
Так решено: не окажу я страха, —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Монома-
ха!

Краков. Дом Вишневецкого

Самозванец и pater Черниковский.

Нет, мой отец, не будет за-
трудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает ис-
ступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость
равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная цер-
ковь
Признают власть наместника
Петра.

Вспомоществуй тебе святой Иг-
натий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благода-
ти
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствоватъ пред оглашен-
ным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,

Намеренья единый видит бог.

Аминь. Кто там?

Входит слуга.

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.

*Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три
дня.*

Я знаю: твой гостеприимный замок

И пышностью блистает благородной

И славится хозяйкой молодой. —

Прелестную Марину я надеюсь

Увидеть там. А вы, мои друзья,

Литва и Русь, вы, братские знамена

Поднявшие на общего врага,

На моего коварного злодея,

Сыны славян, я скоро поведу

В желанный бой дружины ваши

грозны. —

Но между вас я вижу новы лица.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. — Но кто, скажи
мне, Пушкин,
Красавец сей?

Князь Курбский.

Имя
громко!
(Курбскому)
Ты родственник казанскому ге-
рою?

Я сын его.

Он жив еще?

Нет, умер.

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мсти-
тель,
С литовцами под ветхий город
Ольгин,

Молва об нем умолкла.

Мой отец
В Волынии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
— Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...

*Всё за меня: и люди и судьба. —
Ты кто такой?*

*Собаньский, шляхтич
вольный.*

*Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья вы-
дать. —*

*Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.*

(бьет челом)

*Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.*

*Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь — и за тебя го-
товы*

*Главами лечь, да будут наши тру-
пы*

*На царский трон ступенями те-
бе.*

*Мужайтесь, безвинные страдаль-
цы —*

*Лишь дайте мне добратся до
Москвы,*

А там Борис расплатится во

всем.
Ты кто?

Казак. К тебе я с Дона по-
слан
От вольных войск, от храбрых
атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царицы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

Я знал донцов. Не сомневался ви-
деть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам всту-
пить
На трон отцов, то мы по стари-
не
Пожалуем наш верный вольный
Дон.

(приближается, кланяясь низко и
хватая Гришку за полу)
Великий принц, светлейший коро-
левич!

Что хочешь ты?

(подает ему бумагу)

Примите благо-
склонно
Сей бедный плод усердного труда.

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и ли-
ры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощ-
ным,
Но мне знаком латинской музыки
голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной
груди
Кипит восторг: благословится
подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.
(Дает ему перстень.)
Когда со мной свер-
шится

Судьбы завет, когда корону пред-
ков

Надену я, надеюсь вновь услы-
шать

Твой сладкий глас, твой вдохно-
венный гимн.

*Musa gloriat coronat, gloriaque
tusat[2].*

Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

*В поход, в поход! Да здравствует
Димитрий,
Да здравствует великий князь
московский!*

Замок воеводы Мнишка в Самборе

Ряд освещенных комнат. Музыка.
Вишневецкий, Мнишек.

*Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?*

*Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон
московский?*

*А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Все кончено. Уж он в ее сетях.
Музыка играет польский. **Самозванец** идет с **Мариною** в первой паре.*

(тихо Димитрию)
Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лип, я завтра у фонтана.
Расходятся. Другая пара.

Что в ней нашел Димитрий?

Как! она
Красавица.

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...
Новая пара.

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.
Новая пара.

Когда ж поход?

Когда велит царе-
вич,
Готовы мы; но, видно, панна Мни-
шек
С Димитрием задержит нас в
плену.

Приятный плен.

Конечно, если вы...
Расходятся. Комнаты пустеют.

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей — не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: все как-то приуныло.
Оставим их; пойдём, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир,
густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

И дело, друг, пой-

дем.

Ночь. Сад. Фонтан

Самозванец

(*Входит*)

Вот и фонтан; она сюда придет.

Я, кажется, рожден не боязливым;

Перед собой вблизи видал я смерть,

Пред смертью душа не содрогалась.

Мне вечная неволя угрожала,

За мной гнались — я духом не смутился

И дерзостью неволи избежал.

Но что ж теперь теснит мое дыханье?

Что значит сей неодолимый трепет?

Иль это дрожь желаний напряженных?

Нет — это страх. День целый ожидал

Я тайного свидания с Мариной,

Обдумывал все то, что ей скажу,

Как оболъщу ее надменный ум,

Как назову московскою царицей,
—

Но час настал — и ничего не помню.

Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображение...

Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...

Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

(входит)

Царевич!

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Димитрий! Вы?

Волшебный, сладкий
голос!

(Идет к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?

Как медленно катился скучный
день!

Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ноч-
ном!

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать неж-
ны речи
Любовника. Слова не нужны. Ве-
рю,
Что любишь ты; но слушай: я ре-
шилась
С твоей судьбой и бурной и невер-
ной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь на-
дежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я
смело
Пуститься в жизнь — не с дет-
ской слепотой,
Не как раба желаний легких му-
жа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,

Помощница московского царя.

*О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред со-
бой*

*Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взо-
ром.*

*О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце
полно.*

*Не время, князь. Ты медлишь — и
меж тем
Приверженность твоих клевре-
тов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...*

*Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блажен-
ство?*

Нет, нет. Теперь гляжу я равно-

душно
На трон его, на царственную
власть.
Твоя любовь... что без нее мне
жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бед-
ной — ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначенья:
Тебе твой сан дорожке должен
быть
Всех радостей, всех обольщений
жизни,
Его ни с чем не можешь ты рав-
нять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я ру-
ку
Наследнику московского престо-
ла,
Царевичу, спасенному судьбой.

Не мучь меня, прелестная Мари-

на,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не зна-
ешь,
Как больно тем ты сердце мне
язвишь —
Как! ежели... о страшное сомне-
нье! —
Скажи: когда б не царское рожде-
нье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром от-
рок, —
Тогда б... тогда б любила ль ты
меня?..

Димитрий ты и быть иным не
можешь;
Другого мне любить нельзя.

Нет! пол-
но:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворство-
вать! скажу
Всю истину; так знай же: твой

Димитрий
Давно погиб, зарыт — и не вос-
креснет;
А хочешь ли ты знать, кто я та-
ков?
Изволь, скажу: я бедный чернори-
зец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел от-
важный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвал-
ся
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Ма-
рина?
Довольна ль ты признанием мо-
им?
Что ж ты молчишь?

О стыд! о горе

мне!
(Молчание.)

(тихо)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? —
(Вслух.)

Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской
любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду.
(бросается на колени)

Встань, бедный самозванец,
Не мнишь ли ты коленопреклонением,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

(встает)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может
быть,
Достойные московского престо-
ла,
Достойные руки твоей бесцен-
ной...

Достойные позорной петли, дерз-
кий!

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед то-
бою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной свя-
тыней,
Пред ней же я притворствовать
не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Чем хвалится, безу-
мец!
Кто требовал признанья твоего?

Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере
ты

Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспе-
чить

Упорною, глубокой, вечной тай-
ной.

Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд де-
вичий,

Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою просто-
той,

Так ветрено позор свой облича-
ешь?

Он из любви со мною проболтал-
ся!

Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открыл-
ся,

От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла призна-

ные.

Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безум-

ства,
Ни в дружеском, заветном разгово-

ре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний

Сих тяжких тайн не выдаст мой
язык.

Клянешься ты! итак, должна я
верить —

О, верю я! — но чем, нельзя ль
узнать,

Клянешься ты? не именем ли бо-

га,
Как набожный приимыш езуитов?
Иль честию, как витязь благород-

ный,
Иль, может быть, единым цар-

ским словом,
Как царский сын? не так ли? гово-
ри.

(гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,

Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.
—

Прощай навек. Игра войны крова-
вой,

Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной стра-
сти жар!

Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в бит-
ве честной,

Иль как злодей на плахе площад-
ной,

Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со
мною;

Но — может быть, ты будешь со-
жалеть

Об участи, отвергнутой тобою.

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?

Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но
знай,

Что ни король, ни папа, ни вель-
можи

Не думают о правде слов моих.

Димитрий я иль нет — что им за
дело?

Но я предлог раздоров и войны.

Им это лишь и нужно, и тебя,

Мятежница! поверь, молчать за-
ставят.

Прощай.

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но му-
жа.

С тобою, князь, она меня мирит.

Безумный твой порыв я забываю

И вижу вновь Димитрия. Но —
слушай:

Пора, пора! проснись, не медли бо-
ле;

Веди полки скорее на Москву —

Очисти Кремль, садись на трон
московский,

Тогда за мной шли брачного
посла;
Но — слышит бог — пока твоя
нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
(Уходит.)

Нет — легче мне сражаться с Го-
дуновым
Или хитрить с придворным езуи-
том,
Чем с женщиной — черт с ними;
мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и
жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

Граница литовская

(1604 Г^{ода, 16 октября})
Князь Курбский и Само-
званец, оба верхами.

Полки приближаются к границе.

Курбский

(прискакав первый)

*Вот, вот она! вот русская грани-
ца!*

*Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отря-
хаю*

*С моих одежд — пью жадно воз-
дух новый:*

*Он мне родной!.. теперь твоя ду-
ша,*

*О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!*

*Блеснул опять наследственный
наш меч,*

*Сей славный меч, гроза Казани
темной,*

*Сей добрый меч, слуга царей мос-
ковских!*

*В своем пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!..*

(едет тихо с поникшей головой)
Как счастлив он! как чистая ду-
ша
В нем радостью и славой разыгра-
лась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в из-
гнание,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возвратить отечеству... ты
прав,
Душа твоя должна пылать весе-
льем.

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих лю-
дей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя
держава.

Кровь русская, о Курбский, поте-
чет!
Вы за царя подъяли меч, вы чи-
сты.

*Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Моск-
ву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на
меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!*

Вперед! и горе Годунову!

Скачут. Полки переходят через границу.

Царская дума

Царь, патриарх и бояре.

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! — Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: по-мочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке.
Богом
Тебе клянусь.
(Уходит с Трубецким.)

Мне свейский госу-

дарь

Через послов союз свой предло-
жил;

Но не нужна нам чуждая помога;
Своих людей у нас довольно рат-
ных,

Чтоб отразить изменников и ля-
ха.

Я отказал.

Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобратъ
Служителей причетных. В преж-
ни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — та-
ков

Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разре-
шим:

Вы знаете, что наглый самозва-
нец

Коварные промчал повсюду слухи;

Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит
шепот,
Умы кипят... их нужно остудить;
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты
первый,
Святой отец, свою поведай
мысль.

Благословен всевышний, посе-
ливший
Дух милости и кроткого терпе-
нья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да пройдет за-
блужденье:
Оно пройдет, и солнце правды веч-
ной
Всех озарит.

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой
голос.

Бесовский сын, расстрига окаян-
ный,

Прослыть умел Димитрием в народе;

Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:

Но стоит лишь ее раздрать — и сам

Он наготой своею посрамится.

Сам бог на то нам средство посылает:

Знай, государь, тому прошло
шесть лет —

В тот самый год, когда тебя господь

Благословил на царскую державу,
—

В вечерний час ко мне пришел однажды

Простой пастух, уже маститый
старец,

И чудную поведал он мне тайну.

«В младых летах, — сказал он, — я ослеп

И с той поры не знал ни дня, ни
ночи

До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептанием;

Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотвор-
цам;

Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны
очи;

Не посылал господь мне исцеле-
нья.

Вот наконец утратил я надежду
И к тьме своей привык, и даже
сны

Мне виданных вещей уж не явля-
ли,

А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский
голос

Мне говорит: — Встань, дедушка,
поди

Ты в Углич-град, в собор Преобра-
женья;

Там помолись ты над моей мо-
гилкой,

Бог милостив — и я тебя прошу.
— Но кто же ты? — спросил я
детский голос.

— Царевич я Димитрий. Царь
небесный

Приял меня в лик ангелов своих,

*И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик.— Проснулся я и ду-
мал:*

*Что ж? может быть, и в самом
деле бог*

*Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду — и в путь отправился да-
лекий.*

*Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню
И, разгораясь душой усердной, пла-
чу*

*Так сладостно, как будто слепот-
та*

*Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я
внуку*

*Сказал: — Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. — И маль-
чик*

*Повел меня — и только перед гроб-
бом*

*Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могил-
ку».*

*Вот, государь, что мне поведал
старец.*

Общее смущение. В продолжение сей речи **Борис** несколько раз оттирает лицо платком.

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы

Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.

*Вот мой совет: во Кремль святыи
мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.
Молчание.*

*Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства*

*Он может дать младенческим
останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена*

Нам помышлять о столь великом деле?

Не скажут ли, что мы святыню дерзко

В делах мирских орудием творим?

Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:

Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;

Но есть на то иные средства —
проще.

Так, государь — когда изволишь ты,

Я сам явлюсь на площади народной,

Уговорю, усовещу безумство

И злой обман бродяги обнаружу.

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:

Сегодня мне нужна твоя беседа.

Уходит. За ним и все **бояре**.

(тихо другому)

Заметил ты, как государь блед-
нел

И крупный пот с лица его зака-
пал?

Я — признаюсь — не смел под-
нять очей,

Не смел вздохнуть, не только ше-
вельнуться.

А выручил князь Шуйский. Моло-
дец!

Равнина близ Новгорода-Северского

(1604 Г^{ода, 21 декабря}
Битва.

Воины

(бегут в беспорядке)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Входят капитаны Маржерет и Вальтер Розен.

Маржерет

Куда, куда? Allons...[3] пошоль назад!

Один из беглецов

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет

Quoi? quoi?[4]

Другой

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?.. Sacrés gueux,

maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.[5]

В. Розен

Es ist Schande.[6]

Маржерет

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?[7]

В. Розен

Sie haben Recht.[8]

Маржерет

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?[9]

В. Розен

Oh, ja![10]

Маржерет

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.[11]

В. Розен

Ich glaube das.[12]

Входят немцы.

Маржерет

Ha, ha! voici nos Allemands. — Messieurs!..
Mein herr, dites leur donc de se rallier et,
sacrebleu, chargeons![13]

В. Розен

Sehr gut. Halt![14]

Немцы строятся.

Marsch![15]

Немцы

(идут)

Hilf Gott![16]

Сражение. Русские снова бегут.

Ляхи

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Димитрий

(верхом)

Ударить отбой! мы победили. Довольно:
щадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

Площадь перед собором в Москве

Народ.

Один

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый

Что? уж проклинали того?

Другой

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка Отрепьев — анафема!

Первый

Пускай себе проклинаяют; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Третий

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый

Нет; это юродивый.

Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.

Мальчишки

Николка, Николка — железный колпак!..
тр р р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. —
Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый

(садится на землю и поет)

*Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

Мальчишки окружают его снова.

Один из них

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не

снимаешь? (*Щелкает его по железной шапке.*)
Эк она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда! ну покажи.

(*Вырывает копеечку и убегает.*)

Юродивый

(*плачет*)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора. *Боярин* впереди
раздает нищим милостыню. *Бояре*.

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый

Николку маленькие дети обижают... Вели
их зарезать, как зарезал ты маленького царе-
вича.

Бояре

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Юродивый

(ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

Севск

Самозванец, окруженный своими.
Где пленный?

Здесь.

Позвать его ко
мне.
Входит **русский пленник.**
Кто ты?

Рожнов, московский дворянин.

Давно ли ты на службе?

С месяца будет.

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

Как быть, не наша воля.

Сражался ты под Северским?

*Я прибыл
Недели две по битве — из Москвы.*

Что Годунов?

*Он очень был встрево-
жен
Потерю сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского по-
слал
Начальствовать над войском.*

*А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?*

*Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской
Думе
Теперь сидит.*

*Он в войске был нуж-
нее.
Ну что в Москве?*

*Все, слава богу, ти-
хо.*

Что? ждут меня?

Бог знает; о тебе
Там говорить не слишком нынче
смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову — такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы бит-
ком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, — глядь — лазутчик
уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж мол-
чать.

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

Что с ним? одето,
сыто,
Довольно всем.

Да много ли его?

Бог ведает.

А будет тысяч трид-
цать?

Да наберешь и тысяч пятьдесят.
Самозванец задумывается. Окру-
жающие смотрят друг на друга.

Ну! обо мне как судят в вашем
стане?

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев),
и вор,
А молодец.

(смеясь)

Так это я на деле
Им докажу: друзья, не станем
ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:
Назавтра бой.
(Уходит.)

Да здравствует Ди-
митрий!

Назавтра бой! их тысяч пятьде-
сят,

*А нас всего едва ль пятнадцать
тысяч.
С ума сошел.*

*Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать
может.*

*Да, вызовешь. А как дойдет до дра-
ки,
Так убежишь от одного, хвастун.*

*Когда б ты был при сабле, дерзкий
пленник,
То я тебя
(указывая на свою саблю)
вот этим бы смирил.*

*Наш брат русак без сабли обой-
дется:
Не хочешь ли вот этого,
(показывая кулак)
безмозглый!*

*Лях гордо смотрит на него и молча отхо-
дит.*

Все смеются.

Лес

Лжедимитрий, Пушкин.

В отдалении лежит конь издыхающий.

*Мой бедный конь! как бодро по-
скакал
Сегодня он в последнее сраженье
И, раненый, как быстро нес меня.
Мой бедный конь!*

(про себя)

*Ну вот о чем жа-
леет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!*

*Послушай, может
быть,
От раны он лишь только замо-
рился
И отдохнет.*

Куда! он издыхает.

(идет к своему коню)
*Мой бедный конь!.. что делать?
снять узду*

Да отстегнуть подпругу. Пусть
на воле
Издохнет он.
(Разуздывает и расседлывает ко-
ня.)

Входят несколько **ЛЯХОВ**.

Здорово, господа!

*Что ж Курбского не вижу между
вами?*

*Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молод-
ца,*

*Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглу-
шал.*

Где ж витязь мой?

*Он лег на поле
смерти.*

*Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержат и трех минут от-
пора!*

Я их ужо! десятого повешу,

Разбойники!

*Кто там ни виноват,
Но все-таки мы начисто разби-
ты,
Истреблены.*

*А дело было наше;
Я было смял передовую рать —
Да немцы нас порядком отрази-
ли;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то — из них уж непре-
менно
Составлю я почетную дружину.*

А где-то нам сегодня ночевать?

*Да здесь в лесу. Чем это не ноч-
лег?
Чем свет, мы в путь; к обеду бу-
дем в Рыльске.
Спокойна ночь.
(Ложится, кладет седло под голо-
ву и засыпает.)*

*Приятный сон, царе-
вич!*

*Разбитый в прах, спасаясь побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.*

Москва. Царские палаты

Борис, Басманов.

Он побежден, какая польза в том?

Мы тщетною победой увенчались.

*Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.*

Что делают меж тем герои наши?

*Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.*

*Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;*

*Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;*

Пора презреть мне ропот знатной черни

И губительный обычай уничтожить.

Ах, государь, стократ благосло-

вен
Тот будет день, когда Разрядны
книги
С раздорами, с гордыней родослов-
ной
Пожрет огонь.

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Что на него смот-
реть;
Всегда народ к смятенью тайно
склонен:
Так борзый конь грызет свои браз-
ды;
На власть отца так отрок него-
дует;
Но что ж? конем спокойно всад-
ник правит,
И отроком отец повелевает.

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной во-
ле.
Лишь строгостью мы можем
неусыпной

Сдержатъ народъ. Такъ думалъ
Иоаннъ,
Смиритель бурь, разумный само-
держецъ,
Такъ думалъ и его свирепый внукъ.
Нетъ, милости не чувствуетъ на-
родъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спа-
сибо;
Грабь и казни — тебе не будетъ ху-
же.
Входитъ **бояринъ**.
Что?

Привели гостей иноплемен-
ныхъ.

Иду принять; Басмановъ, погоди.
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ
нужно
Поговорить.
(Уходитъ.)

Высокий дух держав-
ный.
Дай богъ ему съ Отрепьевымъ про-
клятымъ
Управиться, и много, много онъ

Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Ка-
кое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родово-
му!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану пер-
вый...
И может быть... Но что за чуд-
ный шум?
Тревога. **Бояре, придворные слу-
жители** в беспорядке бегут, встре-
чаются и шепчутся.

За лекарем!

Скорее к патриарху.

Царевича, царевича зовет!

Духовника!

Что сделалось такое?

Царь занемог.

Царь умирает.

Боже!

На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.
Царя выносят на стуле; все **цар-**
ское семейство, все бояре.

Подите все — оставьте одного
Царевича со мною.
Все удаляются.

Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сей-
час
Ты царствовать начнешь... о бо-
же, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой — и ду-
шу
Мне некогда очистить покая-
нием.
Но чувствую — мой сын, ты мне
дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надле-
жало;
Но я достиг верховной власти...

чем?

Не спрашивай. Довольно: ты невинен,

Ты царствовать теперь по праву станешь.

Я, я за все один отвечу богу...

О милый сын, не обольщайся ложно,

Не ослепляй себя ты добровольно

—

В дни бурные державу ты приемлешь:

Опасен он, сей чудный самозванец,

Он именем ужасным ополчен...

Я, с давних лет в правленье искусенный,

Мог удержатъ смятенье и мятеж;

Передо мной они дрожали в страхе;

Возвысить глас измена не дерзала.

Но ты, молодой, неопытный властитель,

Как управлять ты будешь под грозой,

Тушить мятеж, опутывать измену?

Но бог велик! Он умудряет
юность,
Он слабости дарует силу... слу-
шай:

Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых
лет,

Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой

—
Хоть Шуйского. Для войска нынче
нужен

Искусный вождь: Басманова по-
шли

И с твердостью снеси боярский
ропот.

Ты с малых лет сидел со мною в
Думе,

Ты знаешь ход державного правле-
нья;

Не изменяй теченья дел. Привыч-
ка —

Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — мо-
жешь

Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.

Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпус-
кая...

Будь милостив, доступен к ино-
земцам,

Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав цер-
ковный;

Будь молчалив; не должен цар-
ский голос

На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь
вещать

Велику скорбь или великий празд-
ник.

О милый сын, тыходишь в те ле-
та,

Когда нам кровь волнует жен-
ский лик.

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдли-
вость:

Кто чувствами в порочных насла-
ждениях

В молодые дни привыкнул уто-
пать,

Тот, возмужав, угрюм и кровожа-

ден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь навсегда гла-
вою;
Мать почитай, но властвуй сам
собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

(на коленях)

Нет, нет — живи и царствуй дол-
говечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Все кончено — глаза мои темне-
ют,
Я чувствую могильный хлад...
Входит патриарх, святители, за
ними все бояре. Царицу ведут
под руки, царица рыдает.

Кто

там?

А! схима... так! святое постриже-
нье...
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет ке-
льей...
Повремени, владыко патриарх,

Я царь еще: внимлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю цар-
ство;
Целуйте крест Феодору... Басма-
нов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен...
Клянетесь ли?

Клянемся.

Я доволен.
Простите ж мне соблазны и гре-
хи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приближься, я го-
тов.

Начинается обряд пострижения. Женщин
в обмороке выносят.

Ставка

Басманов вводит Пушкина.

*Войди сюда и говори свободно.
Итак, тебя ко мне он посылает?*

*Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском
царстве.*

*Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над
войском,
Он для меня презрел и чин разряд-
ный,
И гнев бояр — я присягал ему.*

*Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..*

*Послушай, Пушкин,
полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.*

Россия и Литва

Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий на-
стоящий,
Быть может, он и самозванец.
Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мниш-
ка?
Да много ль вас, всего-то восемь
тысяч.

Ошибся ты: и тех не наберешь —
Я сам скажу, что войско наше
дрянь,
Что казаки лишь только селы
грабят,
Что поляки лишь хвастают да
пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;

Но знаешь ли, чем сильны мы,
Басманов?
Не войском, нет, не польскою по-
могой,
А мнением; да! мнением народ-
ным.
Димитрия ты помнишь торже-
ство
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши ра-
ти
Сражались с ним; когда же? при
Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, позд-
но спорить
И раздувать холодный пепел бра-
ни:
Со всем твоим умом и твердой
волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благора-
зумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Узнаете вы завтра.

Решишь.

Прощай.

Подумай же, Басманов.
(Уходит.)

Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу госу-

даря...

*Но смерть... но власть... но бед-
ствия народны...*

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

Коня! Трубите сбор.

Лобное место

Пушкин идет, окруженный народом.

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам бо-
ярин.

Сюда! сюда!

(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небес-
ный

Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась;
Басманов сам с раскаяньем усерд-
ным

Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью,
с миром.

В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

Вестимо нет.

Московские граждане!

Мир ведает, сколь много вы тер-
пели

Под властью жестокого при-
шельца:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали
вы.

Димитрий же вас жаловать на-
мерен,

Бояр, дворян, людей приказных,
ратных,

Гостей, купцов — и весь честной
народ.

Вы ль станете упрямиться
безумно

И милостей кичливо убежать?

Но он идет на царственный пре-
стол

Своих отцов — в сопровожденье
грозном.

Не гневайтесь ж царя и бойтесь бо-
га.

Целуйте крест законному влады-
ке;

Смиритесь, немедленно пошлите

К Димитрию во стан митрополи-
та,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.
(Сходит.)
Шум народный.

Что толковать? Боярин правду
молвил.
Да здравствует Димитрий, наш
отец!

Народ, народ! в Кремль! в царские
палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

(несется толпою)
Вязать! Топить! Да здравствует
Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

Кремль. Дом борисов. Стража у крыльца

Феодор под окном.

Нищий

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Феодор

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

Ксения под покрывалом подходит также к окну.

Один из народа

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор

Это Голицын, Мосальский. Другие мне
незнакомы.

Ксения

Ах, братец, сердце замирает.

Голицын, Мосальский, Молчанов и Шерефединов. За ними трое стрельцов.

Народ

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.

Один из народа

Зачем они пришли?

Другой

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий

В самом деле? — слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Народ

Слышишь? визг! — это женский голос — взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

Конец

1825

Ранние редакции

Сцены, исключенные из печатной редакции

1. ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ

[Следовало после сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».]

Григорий и злой чернец.

*Что за скука, что за горе наше
бедное житье!*

*День приходит, день проходит —
видно, слышно все одно:*

*Только видишь черны рясы, толь-
ко слышишь колокол.*

*Днем, зевая, бродишь, бродишь; де-
лать нечего — соснешь;*

*Ночью долгою до света все не
спится чернецу.*

*Сном забудешься, так душу грезы
черные мутят;*

*Рад, что в колокол ударят, что
разбудят костылем.*

*Нот, не вытерплю! нет мочи.
Через ограду да бегом.*

*Мир велик: мне путь дорога на че-
тыре стороны,*

Поминай как звали.

Правда: ваше
горькое житье,
Вы разгульные, лихие, молодые
чернецы.

Хоть бы хан опять нагрянул!
хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними пере-
ведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из мо-
гилы вдруг воскрес
И вскричал: «А где вы, дети, слуги
верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея
моего,
Изловите супостата, приведите
мне его!..»

Полно! не болтай пустого: мерт-
вых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было
суждено —
Но послушай: если дело затевать
так затевать...

Что такое?

Если б я был так же мо-

лод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая
седина...
Понимаешь?

Нет, нисколько.

Слушай: глупый наш народ
Легковерен: рад дивиться чудесам
и новизне;
А бояре в Годунове помнят равно-
го себе;
Племя древнего варяга и теперь
любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты
хитер и тверд...
Понимаешь?
(Молчание.)

Понимаю.

Что же ска-
жешь?

Решено!
Я — Димитрий, я — царевич.

Дай мне руку: будешь царь.

2. ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

[Следовало после сцены: «Краков. Дом Вишневецкого».]

Уборная Марины.

Марина, Рузя убирает ее; служанки.

Марина

(перед зеркалом)

Ну что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Позвольте; наперед решите выбор трудный:

Что вы наденете, жемчужную ли нить,

Иль полумесяц изумрудный?

*Алмазный
мой венец.*

Прекрасно! помните? его вы надевали,

Когда изволили вы ездить во дворец.

На бале, говорят, как солнце вы блистали.

Мужчины ахали, красавицы шептали...

В то время, кажется, вас видел в первый раз

Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Нельзя ли поскорей.

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.

Царевич видел вас недаром,
Не мог он утаить восторга своего,

Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.

А точно, панна, он влюблен.

Вот месяц, как, оставя Краков,
Забыв войну, московский трон,

В гостях у нас пирует он

И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! дождусь ли дня?..

Не правда ли? когда в свою столицу

Димитрий повезет московскую

царицу,
Вы не оставите меня?

Ты разве думаешь — царицей буду
я?

А кто ж, когда не вы? кто смеет
красотою

Равняться здесь с моею госпо-
жою?

Род Мнишков — ничьему еще не
уступал;

Умом — превыше вы похвал...

Счастлив, кого ваш взор внима-
нья удостоит,

Кто сердца вашего любовь себе
присвоит —

Кто б ни был он, хоть наш король

Или французский королевич —

Не только нищий ваш царевич,

Бог весть какой, бог весть от-
коль.

Он точно царский сын и признан
целым светом.

А все ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

Скрывался он.

*Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший
из Москвы,
Известный плут в своем приходе.*

Какие глупости!

*О, я не верю им —
Я только говорю, что должен он
конечно
Благословлять еще судьбу, когда
сердечно
Вы предпочли его другим.*

*(вбегает)
Уж гости съехались.*

*Вот видишь: ты
до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...*

*Сейчас готово все.
Служанки суетятся.*

Мне должно все

узнать.

II

Начало сцены «Царские палаты», исключенное из печатной редакция

Ксения

(держит портрет)

*Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..*

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор

Я говорю тебе, что похож.

Ксения

(целует портрет)

Далее как в основном тексте.

III

Отрывки из сцены «Краков, дом Вишневецкого», исключенные из печатной редакции

1

*Лишь дайте мне добраться до
Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в
Москве?*

*Все тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведаль,
Уж грамоту твою везде читают,
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за сто-
лом
Они твое здоровье тайно пили.*

*О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?*

*Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но
недуг
Его грызет. Борис едва влачится,*

*И думают, его последний час
Уж недалек.*

*Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?*

*Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.*

*В расчетах он, быть может, оши-
бется,
Ты кто?*

*Казак. К тебе я с Дона по-
слан.*

2

*И я люблю парнасские цветы.
(читает про себя).*

*(тихо Пушкину)
Кто сей?*

Пиит.

Какое ж это званье?

*Как бы сказать? по-русски — вир-
шепищец
Иль скоморох.*

*Прекрасные стихи!
Я верую в пророчества пиштов.*

IV

**Отрывок, следовавший за исключенной
сценой «Ограда монастырская»**

*Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и все молчит,
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что это знаменует?
Беда ли мне, беда ль Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый
дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем,
Ни Мономаховым венцом.*

Комментарий

Трагедия писалась в Михайловском с декабря 1824 г. по ноябрь 1825 г. Напечатана впервые только в 1831 г. На сцене при жизни Пушкина не могла быть поставлена по цензурным соображениям[17]. Пушкин несколько раз читал ее публично, после возвращения из ссылки в 1826 г., в Москве и позже в Петербурге[18].

В двадцати трех сценах «Бориса Годунова» выразительно и исторически верно показана эволюция настроений народа в изображаемую эпоху: сначала политическое равнодушие, инертность, затем постепенное нарастание недовольства, все усиливающееся и, наконец, разрастающееся в народное восстание, бунт, свергающий с престола молодого царя, после чего народ, возложивший все свои надежды на нового, «законного» царя, снова теряет свою политическую активность и превращается в пассивную толпу, ожидающую решения своей судьбы от царя и бояр. Такой характер, как известно, имели все народные восстания до появления на исторической сцене

не пролетариата. Пушкин несколько сдвинул, сократил процесс народного движения начала XVII в., завершив события своей трагедии воцарением Димитрия Самозванца. Между тем в действительности события бурно развивались и дальше, и кульминацией, высшим подъемом революционных настроений и действий борющегося против своих угнетателей народа было не свержение династии Годуновых (как у Пушкина), а более позднее движение, предводимое Болотниковым. Однако, несмотря на эту историческую неточность [19], общая схема событий дана у Пушкина очень верно и в высшей степени проницательно.

Что главным героем пушкинской трагедии является не Борис Годунов с его преступлением и не Григорий Отрепьев с его удивительной судьбой, а народ, видно из всего содержания и построения трагедии. О народе, его мнении, его любви или ненависти, от которых зависит судьба государства, все время говорят действующие лица пьесы: Шуйский и Воротынский (в 1-й сцене — «Кремлевские палаты»), Борис в своем знаменитом монологе (в 7-й сцене), Шуйский и боярин Афанасий Пуш-

кин (в 9-й сцене — «Москва. Дом Шуйского»), Борис, Патриарх и Шуйский в Царской Думе (сцена 15-я), Пленник (в 18-й сцене, «Севск»), Борис и Басманов (в 20-й сцене, «Москва. Царские палаты») и, наконец, Гаврила Пушкин — человек, по замыслу Пушкина, вполне понимающий политическую и общественную ситуацию (21-я сцена, «Ставка»):

*Но знаешь ли, чем сильны мы,
Басманов?
Не войском, нет, не польскою по-
могою,
А мнением, да, мнением народ-
ным...*

Сам народ, угнетенная масса, участвует в трагедии в шести сценах. В первой из них (2-я сцена трагедии — «Красная площадь») мы слышим речи более культурных представителей низших классов; это, может быть, купцы, духовные лица (см. традиционно-церковный стиль их реплик). Они обеспокоены положением страны без царя («О боже мой! Кто будет нами править? О горе нам!»). В следующей сцене («Девичье поле. Новодевичий монастырь») действует народная масса, равно-

душная к политике, плачущая и радующаяся по указке бояр («О чем там плачут?» — «А как нам знать? то ведают бояре, не нам чета...» — «Все плачут, заплачем, брат, и мы...» — «Что там еще?» — «Да кто их разберет?..»).

За пять лет царствования Бориса Годунова настроение народа меняется. В сцене «Равнина близ Новгорода Северского» воины Бориса (тот же народ) стремительно бегут от войск Самозванца не потому, что они боятся поляков и казаков, а потому, что не хотят сражаться за царя Бориса против «законного» царевича, воплощающего, по их мнению, надежды на освобождение — прежде всего от крепостного права, введенного Борисом. Об этом говорит в сцене «Москва. Дом Шуйского» умный боярин Афанасий Пушкин в разговоре с Шуйским: «...А легче ли народу? Спроси его! Попробуй самозванец им посулить старинный Юрьев день (то есть освобождение от крепостной зависимости. — С. Б.), так и пойдет потеха!» — «Прав ты, Пушкин», — подтверждает хитрый и дальновидный политик Шуйский. В 17-й сцене («Площадь перед собором в Москве»), отношение народа к Борису

обнаруживается уже не просто нежеланием сражаться за него («тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные!»), а выражено прямо в угрожающих репликах толпы («Вот ужо им будет, безбожникам») и в словах юродивого, громко обличающего царя при несомненном сочувствии народа. В предпоследней сцене трагедии («Лобное место») народ уже хозяин столицы: с ним (а не с боярами) ведет переговоры посланный Самозванцем Гаврила Пушкин; на Лобном месте (на «трибуне»), оказывается подлинный представитель народа, мужик; он дает сигнал мятежу («Народ! Народ! В Кремль, в Царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!»), после чего перед зрителями разворачивается сцена народного бунта. Наконец, в последней сцене, действие которой происходит всего через десять дней после предыдущей, народ — снова пассивный, успокоившийся после того, как свергнул с престола «Борисова щенка» и поставил над собой настоящего, «законного» царя. Снова, как вначале (в сцене «Девичье поле»), когда дело идет о делах государственных, он считает, что

«то ведают бояре, не нам чета» (ср. в этой сцене почтительные реплики: «Расступитесь, расступитесь. Бояре идут... — Зачем они пришли? — А, верно, приводить к присяге Феодора Годунова»). И снова тот же народ, несмотря на то, что только что с ужасом узнал о злодейском убийстве юного Федора и его матери, готов по приказу боярина Мосальского послушно славить нового царя, как вначале по приказу бояр и патриарха славил Бориса Годунова: «Что ж вы молчите? — спрашивает Мосальский, — кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! Народ: Да здравствует царь Димитрий Иванович».

Так кончалась первоначально пушкинская трагедия. Но позже, в 1830 г., готовя ее к печати, Пушкин внес в это место небольшое, но крайне значительное изменение: после выкрика Мосальского — «народ *безмолвствует*»... Идейный смысл произведения не изменился, спад волны революционного настроения народа остается тем же, но это угрожающее безмолвие народа, заканчивающее пьесу, предсказывает в будущем новый подъем народного движения, новые и «многие мятежи».

«Борис Годунов» написан Пушкиным не как трагедия совести царя-преступника, а как чисто политическая и социальная трагедия. Главное содержание знаменитого монолога Бориса («Достиг я высшей власти...») — не ужас его перед «мальчиками кровавыми», а горькое сознание, что его преследуют незаслуженные неудачи. «Мне счастья нет», — дважды повторяет он. Больше всего винит он в своем несчастье народ, который, по его убеждению, несправедливо ненавидит его, несмотря на все «щедроты», которыми он старался «любовь его снискать». Забывая о главной причине ненависти — крепостном ярме, которое он наложил на народ, — Борис припоминает все свои «благодейния» и возмущается неблагодарностью народа. Причиной этой неблагодарности он считает лежащую будто бы в основе народного характера склонность к анархии. Народ якобы ненавидит всякую власть:

*Живая власть для черни ненавистна —
Они любить умеют только мертвых...*

Это глубоко неверное и несправедливое обобщение[20] нужно Борису для того, чтобы свалить на народ («чернь», как говорит Борис) причину враждебных отношений между царем и народом. Еще резче ту же мысль Борис высказывает за несколько минут до смерти в своем последнем разговоре с Басмановым (сцена 20-я — «Москва. Царские палаты»).

*Лишь строгостью мы можем
неусыпной
Сдержатъ народ... Нет, милости
не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спа-
сибо;
Грабь и казни — тебе не будет ху-
же.*

Григория Отрепьева, в отличие от Годунова, Пушкин изображает не серьезным государственным деятелем, а политическим авантюристом. Он умен, находчив, талантлив[21]; он человек горячий, увлекающийся, добродушный — и в то же время совершенно беспринципный в политическом отношении. Григорий прекрасно понимает, что не он «де-

дает историю», не его личные качества и усилия являются причиной его беспримерных успехов. Григорий чувствует, что подымается на волне народного движения, и потому его мало тревожат отдельные неуспехи и поражения его войск во время войны с Борисом. Этой теме в трагедии специально посвящена короткая сцена (19-я) «Лес», где Самозванец (в противоположность своим спутникам) обнаруживает полную уверенность в конечном успехе своей борьбы, несмотря на жестокий разгром его войск в сражении.

О патриархе Иове, верном помощнике Годунова во всех его делах, Пушкин писал Н. Равенскому (?) в 1829 г.: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова; патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака». Пушкин имеет в виду сцену 15-ю («Царская дума»), где патриарх в длинной, цветистой речи, упиваясь своим красноречием, обнаруживает удивительную глупость и бестактность, чем ставит в крайне неловкое положение всех слушателей[22]. Он перед всей Думой объявляет, что царевич Димитрий после смерти стал

святым, и на его могиле творятся чудеса. Для того чтобы разоблачить перед народом самозванца Григория, он предлагает торжественно довести до сведения народа о новом чудотворце и перенести в Кремль в Архангельский собор его «святые мощи». Ему не приходит в голову, что он тем самым предлагает публично объявить о преступлении царя Бориса: ведь по религиозным представлениям православных, взрослый человек делается святым за свои великие заслуги перед богом, а младенец только в том случае, если он был невинно замучен...

При напечатании «Бориса Годунова» Пушкин изъясил из трагедии две сцены, находившиеся в рукописи: «Ограда монастырская» и «Замок воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины» (см. «Из ранних редакций»). В первой из них Пушкину хотелось показать, что на путь рискованной политической интриги юного, пылкого и томящегося в монастыре Григория натолкнул какой-то более опытный в житейском отношении «монах», «злой чернец». Во второй — раскрывались некоторые черты холодной авантюристки, красавицы

Марины. Исключение этих сцен (не очень нужных в развитии трагедии) нисколько не повредило художественному и идейному содержанию пьесы, тем более что наличие их нарушало бы единство принятого Пушкиным для его трагедии стихотворного размера — нерифмованного пятистопного ямба[23].

Приводимый в разделе «Из ранних редакций» отрывок монолога Григория «Где ж он? где старец Леонид?» относится, вероятно, к ранней стадии работы Пушкина над «Борисом Годуновым».

Свою трагедию Пушкин посвятил памяти Карамзина, умершего в 1826 г. и не успевшего познакомиться с пушкинской пьесой. Это нисколько не значило, что Пушкин разделял историческую концепцию Карамзина — ультрамонархическую и морально-религиозную. Пушкин, несмотря на кардинальное разногласие свое с Карамзиным по политическим и обще-историческим вопросам, глубоко уважал знаменитого историка за то, что тот не искажал фактов в угоду своей реакционной концепции, не скрывал, не подтасовывал их, — а только по-своему пытался их истолко-

вать. «Несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутых верным рассказом событий», — так называл Пушкин эти морально-религиозные и монархические рассуждения Карамзина. Он верил в объективность приводимых историком фактов и высоко ценил его научную добросовестность. «“История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека», — писал он.

С. М. Бонди

Примечания

1

Земский собор 1598 года с бóльшим, чем в предшествующих соборах, числом выборных.

[^^^]

2

Муза венчает славу, а слава — музу (*лат.*).

[^^^]

Hy... ($\phi p.$).

[^^^]

Что? что? (*фр.*).

[^^^]

5

Что значит православные?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать (*фр.*).

[^^^]

Позор (*нем.*).

[^^^]

Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг-раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр? (*фр.*).

[^^^]

Вы правы (нем.).

[^^^]

Черт, дело становится жарким! Этот дьявол — Самозванец, как они его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, мейн герр? (фр.).

[^^^]

О, да! (нем.).

[^^^]

Вот смотрите, смотрите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это, наверно, ударил молодец Басманов (*фр.*).

[^^^]

Я так полагаю (*нем.*).

[^^^]

А вот и наши немцы! — Господа!.. Мейн герр, велите же им построиться и, черт возьми, пойдем в атаку! (*фр.*).

[^^^]

Очень хорошо. Становись! (нем.).

[^^^]

Марш! (нем.).

[^^^]

С нами бог! *(нем.)*.

[^^^]

Впервые «Борис Годунов» был поставлен (с сокращениями и цензурными искажениями) лишь в 1870 г. в Петербурге.

[^^^]

Зная, что Пушкин вообще очень неохотно выступал перед посторонними с чтением своих произведений, мы лишний раз убеждаемся в том, что «Бориса Годунова» он писал для сцены и что ему необходимо было видеть впечатление публики, чтобы судить о верности выполнения его замысла.

[^^^]

Может быть, Пушкин имел в виду шире и ближе к истории развить тему народной войны в предполагавшихся двух пьесах, продолжающих «Бориса Годунова» — о Дмитрие и Марине и о Василии Шуйском.

[^^^]

Его приводят нередко исследователи, как мнение самого Пушкина о народе, для чего нет никаких фактических оснований.

[^^^]

Он к тому же поэт — см. слова игумена Чудова монастыря (сцена 6-я — «Палаты патриарха»): «...читал наши летописи, сочинял каноны святым».

[^^^]

См. ремарку Пушкина: «Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз оттирает лицо платком», — а также заключающую сцену реплику двух бояр.

[^^^]

Сцена «Ограда монастырская» написана длинным, восьмистопным, хореем с попадающейся местами рифмой; «Замок воеводы Мнишка в Самборе» — рифмованным разно-стопным (вольным) ямбом.

[^^^]